

УДК 338.2:316.006

© Г. Э. Говорухин, 2009

**СТАНОВЛЕНИЕ РИТОРИКИ ВЛАСТИ (ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ОБЩЕГО ЯЗЫКА ОБЫВАТЕЛЯ И КРАТОСА)**

Говорухин Г. Э. – канд. филос. наук, доц. декан факультета истории и юриспруденции, тел.: (4217) 54-11-04, e-mail: mail@amgpgu.kms.ru (АмГПГУ)

В работе впервые рассматривается вопрос изменения «ментальности» власти в современной России. По мнению автора, современная Россия переживает процесс выработки нового языка, языка общения между властью и обществом. Данный процесс связан с изменением структуры общества и власти и их взаимоотношений.

In the paper the question of power mentality changes in present-day Russia is considered. It's the author's opinion that nowadays Russia is going through a process of formation of a new language for communication between power and society. This process is connected with structural changes of society and power as well as their interrelations.

Ключевые слова: социальное пространство, политические маркеры, символика власти, риторика, дискурс, коммуникация, публичное и приватное пространство.

Последние почти полтора десятилетия Россия переживает процесс формирования властной системы – процесс перманентного выстраивания вертикали власти, начавшийся еще в середине 90-х годов прошлого века. Процесс, в условиях постоянной смены цели и задач развития самого государства, априори бесконечный. Каждая новая страница новейшей истории российского государства ознаменована становлением очередной программы по формированию управленческой системы государства. Нет смысла оценивать значимость и ценность таких программ, поскольку они отвечают духу реформаторского стиля законодателей. Однако есть необходимость оценить морфологию, подоплеку этих программ, что и становится целью настоящей статьи.

Изменения государства, а вместе с ним и общества (причем, неприципиально, в какой последовательности это осуществляется) приводят к изменению востребованности в обществе стилей тех или иных изменений. Декларируемые Президентом формы последующих изменений в стране должны быть услышаны, а главное – приняты современным обывателем, живущим в

век гигабайтной коммуникации. Мера оценки события и явления зависит от степени активного аккумуляции и поглощения информации. В этом случае если какое-то явление оказывается вне поля открытой референтности, т. е. не укладывается в схему активного «трафика» перекачиваемой информации, то оно не имеет возможности быть принятым современным обывателем. Речь идет не просто о том, что такое явление просто не будет услышано, оно будет казаться неправильным и неестественным, исходя из формулы «если молчат, значит, что-то задумали».

Предлагаемые Президентом меры не представляют собой нечто неожиданное. Такие меры не раз декларировались и раньше. В том числе, неоднократно предлагалось сделать открытыми действия чиновников (в частности, ввести принципы открытости бюджета различных уровней государства, декларирование доходов людей, выбираемых во власть и пр.). Отличие новых мер от предыдущих состоит в том, что происходит констатация поля власти на официальном уровне.

Первоначальный контроль непубличной стороны деятельности того или иного чиновника касался его персонально. Выглядело это так: контроль над деятельностью настоящего или будущего чиновника производился только его самого и только в момент его назначения или выборов. Российская фемида «вырывала» чиновника из среды его окружения, понимая именно и только его представителем власти, и делала публичной (подлежащей огласке) лишь его «властную» жизнь. В результате доходы представителя власти перераспределялись между членами семьи, которые вроде как к власти отношения не имели. Сегодня власть начинает «мыслить» категориями массовой культуры. Такими категориями общественность мыслит уже давно, как и давно понимает неэффективность прежней системы открытости деятельности чиновников. Современная модель контроля над чиновниками и за тем, что они делают предлагаемая Президентом, это попытка говорить с народом на языке самого народа. Меры, принимаемые Президентом, не являются правильными с точки зрения некой высшей объективной реальности. Они понятны и прозрачны (в том смысле, о котором говорилось выше). Эти меры показательны как пример создания нового политического языка российской власти, как создание новой ментальности власти. Имидж власти вульгаризируется до уровня своей, народной, что в условиях российской действительности является, мягко говоря, странным.

Понимание явления кратоса (власти) в таком ракурсе описывается в так называемой «несекционной концепции» власти. Власть – это не негативное явление в социальных отношениях, предполагающего конфликт сторон, но, прежде всего, специфический механизм, вносящий изменения в систему социального взаимодействия. Апологетом этой концепции выступал Т. Парсонс, предлагающий понимать власть как пространство политики, а не как межличностный феномен коммуникативной среды. Основой всех социальных отношений выступает общий принцип интеграции всех членов социума в единую социальную среду. Этой цели (цели интеграции) подчинены

как экономическая подсистема с ресурсом денежного поощрения индивидов в социальной системе, так и политическая подсистема с возможным ресурсом власти как механизма достижения целей общества путем мобилизации индивидов [13]. Власть, таким образом, это способ упорядочивания политических процессов, обеспечивающих человека набором прав, обязанностей, наделяющий функциями и привилегиями. Сама по себе власть не имеет никакой абсолютной ценности, она лишь «обеспечивает достижение коллективных целей через согласие членов общества легитимизировать лидерские позиции и выдать мандат на принятие решений и формирование политики от имени общества тем, кто находится на этих позициях» [8].

В XX в. власть становится частью логически обоснованной коммуникационной системы современного общества. Общество – это система, в которой предполагается, что институты власти способны существовать лишь в условиях, когда определены правила легитимности, правомерности претензий на властвование. В этом случае, говоря об институтах власти, идет разговор о смысловой правомерности и смысловой легитимности властного воздействия одних социальных конструкций на другие. Ключевым объектом исследования выступает материально неоформленный, но вербализированный смысл, формирующийся между объектом – властью и субъектом – социальным агентом как условие их взаимодействия. Он канализирует границы распространения легитимного воздействия объекта на субъект, что восстанавливает и определяет институциональное властное пространство в структуре каузальности отношений (причинности воздействия субъекта власти на объект). Каузальность, в свою очередь, и восстанавливает все в порядке объективного следования означающего и означаемого (Ф. де Соссюр), позволяющих воспринимать логику бинарной оппозиции, на которую рефлексировала классическая «нормальная» социогуманитарная наука. Возникает герменевтический круг, определяющий проблему смысла власти как связанную объективными законами с классическими определениями, вписанными в систему оппозиций каузальности.

Общность позиций в рассмотрении явления власти проходит на стыке проблем взаимодействия общества и человека. Эта особенность характеризуется тем, что общество и государство все глубже проникают в частную жизнь человека при помощи СМИ, рекламы, законодательных актов¹. Результатом

¹ Налицо размывание частных, интимных отношений и приобретение ими характера общественно-легитимированных поведенческих практик. Данная тема в аспекте классической фрейдистской сублимационной модели отношений стала объектом исследования философов XX в. Г. Маркузе говорит о практически полном ниспровержении властными отношениями принципа сексуального наслаждения [10]. У М. Фуко общество, легализовав сексуальные отношения, фактически проникло в сексуальную жизнь человека и тем самым обобществило ее [15]. Ж. Бодрийяр говорит о том, что сексуальное, по сути, единственный уцелевший оплот частной, человеческой жизни, становится достоянием производственных отношений, теряя значение интимности [5].

этого становится формирование единого потребительского коммуникативного пространства, включающего в себя почти все социальные слои общества. Исключение, возможно, составляют лишь маргинальные слои, образующие самостоятельное коммуникативное пространство [7]. В рамках единой системы коммуникаций идет трансляция наиболее привлекательных эпизодов частной жизни, рассчитанных на вполне определенную потребительскую группу. Трансляция, между тем, доступна всем слоям общества, имеющим возможность «подключиться» к ее потоку, и эпизоды частной жизни, как и сама частная жизнь, в некотором шаблонном виде репрезентируются в личной жизни представителей других социальных групп. В результате, социальными агентами воспроизводится комплекс отношений, транслируемый из множества социальных групп, и создается не просто коммуникативное, а мифологическое информационное пространство, производящее метафизические ротации между социальными группами агентов отношений.

Метафизичность этих ротаций состоит в том, что реально не существует приобщения индивида к визуальным требованиям другой социальной группы. Более того, в процессе поглощения транслируемой информации не осуществляется и процесс социальной мобильности индивида. Человек, находясь в информационном потоке и знакомясь с ценностями жизни, принимает их лишь виртуально, метафизически [4]. Именно такой принцип включенности и осведомленности за частной и общественной жизнью предлагается ввести в качестве возможного эффективного средства борьбы с коррупцией в среде чиновников. Чиновник, его жизнь, его работа становятся объектом внимания общества. Более того, от чиновника требуется разоблачение себя (отчет о работе, отчет о передаваемых откатах, отчет силовых структур о судимостях и пр.). Строго говоря, это все то, что делалось и раньше, только такая информация становилась достоянием внутренних, закрытых структур самого аппарата власти всех уровней, теперь же она является достоянием общественности. Личное пространство чиновника приобретает вид «гламурной» жизни, как следствие, последует поток сенсационных пересудов и обсуждений этой жизни. Публичность чиновника (отметим, не политического деятеля, открытого для PR-информационного ресурса, а именно чиновника – рабочей лошади института власти) теперь будет мало чем отличаться от публичности «массмедийного идола». Его жизнь – это реальность доступная, но слабо достоверная для обывателя. Именно в этом смысле она мифологична.

Мифологическое пространство, применительно к социальным ментальным основаниям, – это пространство достоверно обоснованное, понятное [9]. Человек живет в этом пространстве, не подвергая сомнению его достоверность. В этой связи процессы, происходящие в этом пространстве, представляются объективно происходящими, а принимаемые условия жизни, даже условия жизни представителей других социальных групп, – объективно значимыми. Отсюда, в современном потребительском коммуникативном пространстве создана система, транслирующая единые для всех социальных групп знаки, позволяющие оценивать социальную реальность: 1) как объек-

тивную 2) как однородную. Сохранение мифологичности возможно лишь посредством десакрализации (разглашения тайны частной жизни) или деполитизации, т. е. восприятия социальных отношений как объективно заданных взаимодействий интеракционных (взаимодействующих) групп. Необходимо уточнить, что процесс деполитизации – это процесс формирования полиреферентности [11], т. е. отнесения себя не к какой-то социальной общности, а сопоставляя себя со всеми. Типичным примером проявления такой полиреферентности выступают высказывания типа «мы такие же, как они», или «это трагедия каждого из нас», «на их месте мог быть кто угодно».

Появление полиреферентности означает, что в обществе формируется принцип равных возможностей: перед социальным агентом открыта возможность для карьерного роста и перехода в более привлекательную социальную группу. Однако государство вводит (понятие «вводит», по сути, и означает легитимное властвование) инициационные фильтры, ограничивающие вертикальную мобильность. Вместе с тем, инициации, вводимые обществом, позволяют объяснить человеку условия социально-групповых ротаций. Здесь показателен пример с формированием резерва управленческих кадров всех уровней власти. Учитывая активную борьбу с коррупцией, которая становится достоянием гласности, у каждого инициативного, грамотного и креативного появляется возможность прийти на место зарвавшегося коррупционера. В таком случае через СМИ идет демонстрация того, каким не должен быть чиновник, иначе он будет изобличен, и того, каким он должен быть. Налицо классическое формирование социального мифа, в котором власть поразительно близка реальности, ведь каждый потенциально может быть ее представителем, но мало кто реально входит в ее действующие структуры. Это реальность для обывателя столь же мифологична, сколь и истории об инопланетянах, которых видели многие, но не он сам.

Социальные процессы, происходящие в современном обществе, – это процессы практически полного разрушения внешних (узуальных) признаков дифференциации общества. В этих новых условиях властная система получает новую прописку в обществе.

Интеграция человека в социальную систему – процесс достаточно долгий. Здесь показательны те же аспекты – образование (грамотность), инициативность и креативность, получение которых растянуто во времени. Эти аспекты выступают знаками, определяющими отношения между социальным агентом, принимающим эти знаки, и обществом, эти знаки сформировавшим (теория Льюкса). Знаки составляют основу процессов формирования традиций участия в едином мифологическом пространстве и фундамент частных социально-коммуникативных дискурсов. Иными словами, возможности принимать навязываемые властными структурами правила проистекают из способности делать эти правила узнаваемыми социальными агентами. Образованный человек – это человек креативный, а креативен он потому, что инициативен. В целом такой человек успешен, что соответствует интересам наибольшего числа людей. Таким образом, создается, выражаясь языком П. Бурдьё, властное поле, составляющее основу социальной структуры. Вла-

стное именно потому, что существует спектр коммуникативных отношений, которые могут быть вовлечены в систему властвования, и на которые власть распространяется. Происходит интеграция смыслов (задач и мотивов), характерных для сферы частных и общественно-государственных отношений в поле единой семиосферы. Семиосфера является эпистемологическим обоснованием существования общества, поскольку трансляция знаков от общества к человеку² является условием обнаружения самого общества³.

В результате создаются знаковые границы, позволяющие определить контуры властных отношений и общества, но разрушается сакральность частных отношений, строящаяся на принципах закрытости, интимности и недосказанности. Чрезвычайно важным является факт постоянно мигрирующих границ власти, отчего пространство власти оказывается схематичным. Идеология власти, через средства коммуникации простирается до границ приватной сферы обывателя, потому остается загадкой, где заканчивается действие, например, политической власти и начинается индивидуальная работа ума самого обывателя.

Говоря о мифологических конструкциях в социальных коммуникативных отношениях, необходимо иметь в виду, что пространство мифа – это пространство прямых смыслов. Принятие или непринятие каких-то норм и правил происходит в рамках единого мифологического коммуникативного пространства путем решения одних и тех же задач. Эти задачи вполне понятны и потому не содержат какого-либо дополнительного смысла и не несут дополнительной информации о событиях внутри самого мифа. Социальная реальность, таким образом, это реальность с очевидно понятными обывателю социальными процессами. Однако, говоря об условиях существования мифа, речь должна идти о метафоричности содержащейся в нем информации [2].

Таким образом, налицо парадокс о присутствии в коммуникациях и денотативного, и метафорического (коннотативного) означаемого. Это можно обнаружить на примере отторжения или сопротивления населения власти. Особенно это видно на примере российского кротоса, в котором всякое решение институтов власти чаще всего воспринимается негативно, хотя мнение Президента, который отечественными избирателями выведен за горизонт явления власти, принимается с большей охотой.

Такой парадокс возможен только в условиях существования абсолютно другого мифологического пространства или вообще за пределами пространства мифа, где и обнаруживается сама метафоричность. В условиях привычной, т. е. естественной (обоснованной и рационализированной), системы отношений выявить условности или метафоры в действиях и поведении социальных агентов не представляется возможным. Но вне границ данной коммуникации

² Формирование традиций понимания знаков, транслируемых через создание правил, уже является показателем сообщества [3].

³ См., например, о значении имитации публичного поведения и «социального намека» для консолидации общества у Э. Сепира [14], Д. Серля [16].

условности не только обнаруживаются, но и выступают диссонансом привычным отношениям.

Здесь необходимо сказать о взаимоотношениях институализированных форм власти и агента социальных отношений. Уже то, что речь идет о легитимности власти, т. е. ее институциональности, говорит о включении социального агента в поле властных отношений. Кроме того, употребление понятия «власть» означает также признание за ней права управления социальными действиями агента (М. Вебер). Однако сам принцип дифференциации человека и власти, выраженный в высказывании: «мы (люди, граждане) и она/ оно (власть, государство)», свидетельствует о наличии различных смысловых полей: поля власти, государства и агента, обывателя. Именно в результате отсутствия единого для них мифологического пространства происходит выявление чужеродности в действиях друг друга. Особенно остро этот антагонизм проявляется в тот момент, когда человек перестает ощущать себя только социальным агентом и воспринимает себя обычным человеком, а не носителем социальной роли. Так называемые «кухонные» разговоры в большинстве своем являются примером беседы людей, а не социальных агентов.

Таким образом, необходимо говорить о существовании мифологического пространства частных дискурсивных практик, которое, несмотря на многогранность, все-таки полиреферентно. Вместе с ним существует властный дискурс, который также рационализирован (мифологичен). По сути, это означает, что, несмотря на заданность властными институтами человеку смысловых ориентиров и идеологическую связь человека с властью, каждый из них занимает свое собственное пространство. Однако это утверждение парадоксально. Если речь идет о несвязанных между собой пространствах, то нельзя говорить о каком бы то ни было влиянии одного объекта на другой. Если же все-таки влияние возможно, тогда пространств не два, а одно. Возможное разрешение вновь возникшей проблемы можно обнаружить в самом механизме властвования.

Государство, являясь инструментом власти, предъявляет человеку долгосрочный проект социально-групповых перемещений. Речь здесь идет, например, о долгосрочной образовательной программе социализации индивида. Человек же искусственным образом сокращает это продвижение во времени, тем более что мифологическое коммуникативное пространство ему это позволяет. В мифологическом пространстве не вскрываются механизмы функционирования объектов действительности, эти объекты только конституируются. Отсюда, если достойное существование человека связано с материальным благополучием, то его сознательная установка не в объяснении причин того, почему это так, а в поиске средств получения материального благополучия. Исходя из этого, человек пытается проигнорировать объективные и даже онтологические законы естественной институализации. Примером такой алогичности является участие в коммерциализированных играх, позитивное (сулящее выгоду) участие в которых, по заявлению самих участников, строится не на законах здравого смысла, а, скорее, вопреки ему. Методы «борьбы» с установленными об-

ществом, государством и институтами власти правилами предложены именно самой властью. Для нее это единственный способ включиться в мифологическое пространство частных отношений. В этой связи, полагаем, полем соприкосновения власти и человека является пространство, которое по своей сути является апофатическим (отрицающим) к пространству собственно человека или власти. Это имитация пространства, его метафизика.

Речь идет не только о метафизичности пространства, к которому человек имеет отношение только в момент согласования своих действий с властью. Речь идет о симуляции реальных экономических и политических процессов, происходящих в этом пространстве, поскольку в нем ставятся и решаются проблемы, находящиеся за порогом мифологических дискурсов обоих полюсов (частного или индивидуального и властного) его порождающих. И это уже проблема существования самого общества, поиска консолидирующего начала в сфере коммуникации, строящегося на создании принципиально другой системы знания. Разрешение этой проблемы видится в принятии за основу иной логики, позволяющей объединить частно-индивидуальный и властный дискурсы и возможной при условии трансформации самого общественного сознания (Говорухин, 2008).

Библиографические ссылки

1. *Аренд Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.
2. *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западно-европейской литературе. М.-СПб., 2000.
3. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. *Бляхер Л. Е.* Социальный хаос: философский анализ и интерпретация. Владивосток, 1998.
5. *Бодрийяр Ж.* Забыть Фуко. СПб., 2000.
6. *Говорухин Г. Э.* Власть политики. Власть пространства (принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке). Комсомольск-на-Амуре, 2008.
8. *Каганский В.* Вопросы о пространстве маргинальности // Новое литературное обозрение. 1999. № 37.
9. *Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
10. *Мамардашвили М.* Мой опыт нетипичен. СПб., 2000.
11. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Киев, 1995.
12. *Пригожин А. И.* Что есть политика (Политологические тезисы) // Общественные науки и современность. 1996. № 4.
13. *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995.
14. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002.
15. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2001.
16. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. М., 1998.
17. *Searle, J.* The Construction of Social Reality. New York, Free Press, 1995.